

«История о предательстве, мести и числах,
где ставки очень высоки...»

Kirkus Reviews

НОВА
МАКБИ

ДЖОЗЕФИНА
ВЫЧИСЛЯЕТ
ВЕРОЯТНОСТИ

У судьбы своя математика

18+

Вычисления

Нова Макби

**Джозефина вычисляет
вероятности**

«Азбука»

2021

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Макби Н.

Джозефина вычисляет вероятности / Н. Макби — «Азбука»,
2021 — (Вычисления)

ISBN 978-5-389-34388-7

Джозефина Риверс, она же Джо, Октавия, Восьмерка, Феникс, – математический гений из Сиэтла. Сразу после окончания школы ее похищают и увозят в Китай, где держат взаперти, заставляя работать на грозу криминального мира – Мадам. После размолвки с ней Октавия становится заложницей другого крупного воротилы по кличке Король. Так девочка попадает в китайскую тюрьму Прэтт. Не знающая языка, забытая семьей и никому не нужная, в Прэтте Восьмерка знакомится с Редом, стариком-заключенным из соседней камеры. Именно он обучает девочку, дает ей любовь, а самое главное – помогает выбраться из тюрьмы. И это лишь начало истории. Теперь Джозефине Риверс практически в одиночку предстоит предотвратить мировой экономический кризис, ведь только она видит, что уже через две недели ситуация станет необратимой и страны друг за другом скатятся в депрессию. И первым падет Китай. И пусть у Джо нет ни семьи, ни друзей, у нее есть дар – числа. Вычисления, которые производятся ее мозгом с бешеной скоростью, с высокой долей вероятности предсказывают события, поэтому Джо всегда на шаг впереди. Большая поклонница китайской культуры, Нова Макби создала захватывающую историю об удивительно стойкой девушке, которая противостоит всему миру, и о ее невероятной способности управляться с числами. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-34388-7

© Макби Н., 2021

© Азбука, 2021

Содержание

Пролог	7
Глава 1. Прошлое: Джозефина	9
Глава 2. Настоящее: Восемь-Восемь	13
Глава 3. Настоящее: Восемь-Восемь	17
Глава 4. Прошлое: Джозефина	22
Глава 5. Настоящее: Восемь-Восемь	26
Глава 6. Настоящее: Феникс	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Нова Макби

Джозефина вычисляет вероятности

*Посвящается Бетани Чжу, а также команде Чэнду – и времени,
которое навсегда изменило наши жизни*

*Они говорят, что вера в существование бесконечности меня
погубит – буду тосковать по невозможному: по безграничному миру и
даже по вечной любви. Если кто-нибудь спросит, что со мной стряслось,
скажи: она обрела веру.*

Джо Риверс

Nova MacBee
CALCULATED

Copyright © 2021 by Nova MacBee

© О. Василенко, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Пролог

ПРЭТТ, ШАНХАЙ, КИТАЙ

Прежде чем начать историю моей жизни, я собиралась представиться, но, честно говоря, толку от этого будет мало. У меня было слишком много имен. Даже не знаю, кто я, и уж тем более понятия не имею, какое имя подойдет такой девушке. Поэтому скажу, как меня называют китайцы. Восемь-Восемь. Да, прямо вот так, цифрами: 88.

Живу я в Китае... Хотя нет: жить – значит находиться где-либо по собственному выбору. А я существую в Китае, и сколько продлится это существование, напрямую зависит от моего дара.

Нет, я не верю в удачу, но большинство людей называют меня везунчиком. Ну еще бы, ведь они видят во мне лишь уникальную способность делать миллионы долларов буквально по щелчку пальцев, но не замечают нескончаемые атаки чисел, которые мне приходится отбивать.

Со временем я научилась пребывать в согласии со своим даром и даже немного им управлять, но если бы меня заранее предупредили, как повернется моя жизнь, то я бы не раздумывая выбрала участь крысы на помойке.

Мама, никак не связанная с событиями последних двух лет моей жизни, однажды сказала: «Ты получила столь редкий дар не просто так». Помню, как ярко сияли ее глаза, когда она воскликнула: «С такой головой ты можешь изменить мир, моя Маленькая Чайка!» Если бы мама предвидела, для чего теперь используют мой гениальный математический ум... От ужаса она бы из могилы выпрыгнула.

Но мама умерла бы еще раз, если бы узнала, что папа и Мара погибли. Ну не смешно ли: уметь предсказывать практически любые события, кроме предательства собственной семьи?!

Вполне логично, да, я по ним скучаю. Родных я любила по-настоящему, а любовь нельзя вычислить или измерить математически точно, в числах. Она требует доверия, которое рождается благодаря невидимой силе, а не строится с помощью логических рассуждений. Любовь рискует – и иногда проигрывает. На мой взгляд, лучше избегать сильных чувств.

Неспособные видеть мир через призму уравнений люди часто утверждают, будто любовь нагрянула неожиданно-негаданно. Но в моем мире чисел верить в случайности нелепо. Не бывает никаких совпадений. Я не настолько глупа, чтобы вообразить, будто оказалась здесь без причины.

Однако числа, независимо от того, как мы их получаем, никогда не смогут дать прямой ответ на вопрос, которым однажды задается каждый, – этот вопрос и сейчас прожигает мне сердце: зачем?

Ред (только из-за него я пока не превратилась в *фэнцзы*¹, забившегося в угол и раскачивающегося из стороны в сторону) утверждает, что каждому из нас предназначена своя судьба. Но выбор все-таки остается за человеком: пойти по проторенной дорожке или свернуть. Ред считает, мне суждено оставить след в истории человечества.

Но мне всего семнадцать, а у меня даже будущего-то никакого нет, не говоря уж про эпохальные достижения.

– Ну и что делать, если судьба обманчива и вдруг оборачивается по-другому, не так, как в твоих фантазиях? – однажды я задала вопрос Реду.

Он бросил на меня пронзительный взгляд:

¹ Сумасшедший, лунатик (кит.). – Здесь и далее примеч. перев., если не указано иное.

– А вот это, *цин ай дэ²*, зависит от тебя.

² Дорогуша (*кит.*).

Глава 1. Прошлое: Джозефина

ПЛЯЖ АЛКИ, СИЭТЛ, ШТАТ ВАШИНГТОН

Папа меня убьет. Ведь я поступила так, как он просил меня не делать. Нет, намеренно я ему противоречить не собиралась. И не просыпалась утром с мыслью: «Сегодня я пойду наперекор отцу». Ничего подобного. У меня лучший в мире отец, пусть даже он уволил меня из своей компании без объяснения причин и всего за три дня до годовщины смерти мамы. Надеюсь, он тоже примет мои новости со спартанским спокойствием.

Уставившись в *мой океан*, я крутила стебель белой лилии между пальцев в ожидании папы. Как обычно, числа незримо крутились в голове.

По пляжу бежала девушка в зеленых «найках». Судя по отпечаткам на песке, ее шаг равнялся 4 футам 8 дюймам³, то есть рост у нее примерно 5 футов 7 дюймов⁴, и она шагает шире, чем нужно, на 3 дюйма⁵. Таким широким шагом она добежит до маяка через 15 минут 48 секунд. Если укоротить шаг, то можно увеличить скорость, и тогда девушка достигла бы цели на 1 минуту и 12 секунд раньше. Но ей это и в голову не придет, потому что она не я. Она не выискивает числовые закономерности в уме. Числа не проникают во все сферы ее жизни, и, скорее всего, ей не пятнадцать лет и она не оканчивает университет со степенью доктора технических наук и дипломом по математическим моделям в экономике.

38 волн накатились на берег за 6 минут и 32 секунды, пока отец покупал мороженое – отступные для меня. Я до сих пор не выяснила, почему он меня уволил.

Папа вышел из магазинчика на углу с двумя двойными порциями мороженого: мятное с шоколадной крошкой для меня и шоколадное с арахисовой пастой для него. Как обычно.

На светофоре горел красный. Папа в деловом костюме стоял у перехода, терпеливо дожидаясь зеленого света. Тонкие волосы цвета высохшей коряги, выброшенной морем на берег, свободно развевались. После смерти мамы он стал гораздо реже причесываться. Заметив мой взгляд, папа помахал мне мизинцем.

Светофор отсчитывал 45 секунд. В моей голове проносился поток цифр. На скорости 1,5 мили в час⁶ и для расстояния в 89 шагов отцу понадобится меньше 35 секунд, чтобы пересечь улицу на зеленый свет.

Зеленый.

Над головой заорала чайка. Меня пронзило знакомое горько-сладкое чувство. Я посмотрела вверх и проводила взглядом птицу, нырнувшую в соленую воду, – чайки всегда напоминали мне о маме.

Как и я, мама любила Тихий океан. При малейшей возможности мы с папой выходили в море на его лодке и опускали на волны белую лилию – в память о маме. Именно в океане мы все еще могли уловить легкое дуновение, словно ее дух по-прежнему витал над нами.

Прошли месяцы, прежде чем при мысли о маме я научилась вспоминать только хорошее. Моя младшая сестра Лили, названная в честь любимого маминого цветка, почти оправилась от потери, а вот старшая сестра Мара изменилась к худшему.

При жизни мамы Мара была моей лучшей подругой и самой преданной поклонницей. А после маминой смерти решила, будто я с самого рождения только тем и занимаюсь, что порчу

³ Около 1,42 метра.

⁴ Около 1,7 метра.

⁵ Около 0,76 метра.

⁶ Чуть больше 2,4 километра в час.

ей жизнь. Мара заявила: из-за моего дара папа заботится только обо мне и почти не замечает их с Лили.

Разумеется, это неправда. Но если посчитать время и деньги, вложенные в мое развитие, – а я посчитала, – то аргумент Мары выглядит достаточно веским и убедительным. Ну и что? Мне теперь перестать быть гением? Ага, конечно. Я вычислила и такую вероятность⁷: повзрослевшие вундеркинды, случается, теряют дар, но крайне редко.

Отец плюхается рядом на скамейку и протягивает мне мороженое. На лице застыло встревоженное выражение, он хмурится, как человек, застигнутый грозой на улице.

– Держи, моя Маленькая Чайка.

Так меня называла только мама, и я замираю. Если сейчас загляну папе в глаза, могу не выдержать, и тогда разговор превратится в сплошные рыдания. Делаю долгий выдох и принимаю протянутое угощение:

– Спасибо.

– Ладно, мои новости ты уже знаешь, давай выкладывай свои.

Папа откусывает верхушку снеговика из мороженого, а я невыносимо медленно облизываю первый шарик.

– Пап, только выслушай меня до конца, пожалуйста. Прежде чем обрушишь на мою голову все причины, по которым «так делать нельзя». Знаю, ты против, чтобы я начала работать сразу после окончания учебы. Но не могу же я просто сиднем сидеть у тебя на шее или болтаться без дела? Особенно когда Мара пилит каждый день и стоит над душой. В общем, я приняла предложение... – И тут я дрожащим от волнения голосом сообщаю сногшибательную новость: – От компании «Гениальные тайные решения»... в Китае.

Папа замирает, став холоднее мороженого.

– Джо! Как ты могла?! – Папино лицо исказилось от обиды. – Ты прекрасно знаешь мое отношение к этой компании, – проворчал он. – Они уже начали нанимать на работу детей? Это вообще не лезет ни в какие ворота! Это опасно для жизни! А вдруг кто-то узнает о твоём даре... Ты об этом подумала?

– Они не только детишек нанимают! У них работают вундеркинды – независимо от возраста! – возражаю я куда более визгливо, чем собиралась. – Просто так случилось – большинство из нас молодцы.

«Гениальные тайные решения» – это международный холдинг, коммерческий аналитический центр, который решает всевозможные мировые проблемы – экономические, сельскохозяйственные, политические – с помощью вундеркиндов вроде меня. Компания частная, работает тайно, чтобы не привлекать внимания к гениям, которых нанимает. Представители компании вышли на меня, когда я училась на первом курсе Стэнфордского университета, – все члены моей семьи должны были дать подписку о неразглашении коммерческой тайны, лишь бы больше узнать о компании. Несмотря на открытую неприязнь отца к методам работы «Гениальных тайных решений», мне всегда было интересно, чем же они все-таки занимаются. Ведь они реально помогали людям.

Как и от всех моих знакомых вундеркиндов, от меня ожидали чего-то великого. Большинству из нас после окончания университетов официально было обеспечено высокооплачиваемое местечко в очень скучных компаниях с длинными названиями. Некоторых это устраивало, меня – нет. Зачем я родилась с таким уникальным даром? Существует ли некая высшая

⁷ Теория вероятностей – раздел математики, который изучает случайные события и помогает оценить, насколько вероятен тот или иной исход. В основе теории вероятностей лежит эксперимент. Вероятность исхода эксперимента не может быть отрицательной – или 0, или 1. Однако есть исключение: отрицательное математическое ожидание. О нем можно говорить, если в среднем при многократном повторении эксперимента результат получается отрицательным, то есть «плохие», нежелательные исходы перевешивают «хорошие». Это похоже на дурное предчувствие. – *Примеч. ред.*

цель, или мне достаточно просто есть, пить и веселиться?»⁸ Нужно ли вообще задаваться высокопарными вопросами о высшем предназначении?

Вот бы мама оказалась права и мой дар действительно стал судьбоносным. Жаль, решением обыкновенных уравнений такое доказать нельзя. Поэтому стоило поработать на крупный международный холдинг, пока я выясняю, что же мне делать с моей жизнью.

– На какой срок договор? – переходя на деловой тон, уточнил папа.

– От трех до шести недель максимум. Там экономическая проблема – по их мнению, связанная с ценными бумагами – в китайском Азиатском банке. Если ее не решить, она может привести к серьезным последствиям на мировом рынке.

– Для этого у них есть экономисты.

– Но не такие, как я. – Не было надобности напоминать: Европейский союз использовал мою теорию, чтобы найти выход из двух последних экономических кризисов до того, как Азиатский банк вмешался и стабилизировал мировую экономику с помощью китайского юаня. – В аналитическом центре считают, что, возможно, только я сумею разобраться.

Я помолчала, заново обдумывая стратегию. Папе наплевать на фондовые рынки и проблемы банков. Он заботится обо мне. И со вздохом продолжила:

– Пап, никто ничего про меня не узнает. Ведь договорились, я никогда никому не проболтаюсь о даре.

После смерти мамы в доме стало тихо и уныло, как на кладбище. Даже наш кот Тэйлс бродил кругами и мяукал, призывая хозяйку. Вот я и стала работать на папину компанию, где и обнаружились скрытые возможности моего дара. Меньше чем за год папина компания заработала столько, сколько ни он, ни я прежде и вообразить не могли. А потом мы заработали еще. На какое-то время игра с денежными потоками меня захватила. Но деньги вовсе не приносят столько радости, как обычно думают. Они не могут вернуть к жизни близкого человека. В конце концов мои способности стали пугать отца. Он переживал, вдруг мной кто-нибудь воспользуется. И заставил меня пообещать: ни при каких обстоятельствах я никому не доверюсь, не раскрою, чем занимаюсь в компании, – даже сестрам.

– Знаю, солнышко. Извини. Я тебе доверяю. – Он ущипнул себя за переносицу. – А вот другим – нет, потому мне и страшно.

За месяц до получения диплома зазвонил телефон – с тех пор поток предложений не прекращался: все, что угодно, от профессорской должности до работы на правительство или на престижные частные компании. Папа всем отвечал одно и то же: «Ей всего пятнадцать. Перезвоните через пару лет».

Но и он потихоньку начал менять мнение.

– Папа, «Гениальные тайные решения» не опасны! Просто кучка энтузиастов, собравшихся вместе, чтобы позаниматься математикой. Никто не знает, какую задачу поставят передо мной. В компании все совершенно секретно. Меня привезут в штаб-квартиру, будут обеспечивать всем необходимым. – Я схватила папу за подбородок и повернула к себе. – Ну же! Пойми, я хочу приносить пользу. Мама бы не возражала.

Он вздохнул, глядя на волны, лениво наползающие на песок. Папа с мамой познакомились в Китае. В молодости оба там работали. Папа говорил, внешность сразу выдавала в нем иностранца, а маму было сложно отличить от местных. У папы в предках только европейцы из Северной Европы, а в маминой крови понамешано всяких национальностей. И я похожа на нее. У меня темные волосы – даже оттенок каштанового не такой, как у родителей. Глаза

⁸ «Есть, пить и веселиться» – аллюзия на цитату из Послания апостола Павла к коринфянам («Станем есть и пить, ибо завтра умрем!»). А также: «И похвалил я веселье; потому что нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться: это сопровождает его в трудах во дни жизни его, которые дал ему Бог под солнцем» (Екк. 8: 15).

карие, неопределенного оттенка. Лицо интересное – под нужным углом сойдет за какую угодно национальность. Как хамелеон, я могла слиться с окружением – и мне это нравилось.

На ногу капнуло холодным. Набрав полный рот мороженого, тщательно облилав края рожка, чтобы молоко не стекало, выдерживаю паузу. На следующие 15 секунд мозг замерз. Наконец я произнесла:

– Есть и еще одна причина уехать. Мара. Ей нужно от меня отдохнуть... хотя бы немножко.

Папа нахмурился:

– Вы когда-нибудь снова будете вести себя как сестры? Нам с Лили больно. Мама бы очень расстроилась из-за вашей ссоры.

Упомянуть маму – это как полить уксусом на открытую рану. Запрещенный прием. Но разумеется, папа был прав.

– Вот давай и будем рассматривать поездку в Китай как способ сохранить семью. Ты прекрасно ладишь и с Марой, и с Лили. Мара вздохнет свободнее, тебе придется справляться с запаркой на работе самостоятельно. Ей-богу, папа, уволить меня – это была плохая идея для бизнеса, – толкаю его плечом.

Он нервно хихикает:

– Ладно. Поезжай. Но в любом случае о том, на что еще ты способна, никому ни слова.

– Договорились.

Папа берет меня за свободную руку:

– Я люблю тебя, Джо. Ты стоишь гораздо больше, чем миллионы долларов. Помни об этом, хорошо?

Мое сердце растаяло, как мороженое, о котором мы и забыли.

– Спасибо, пап. А теперь можешь объяснить, почему ты меня уволил?

Он откусил мороженое.

– Это сложный вопрос, солнышко.

– Папа, меня ведь считают гением! – На моем лице расплзается лукавая улыбка. – Может, я сумею помочь?

Он хмурится.

– Джо, я не хочу, чтобы ты из-за этого переживала. Все будет хорошо, – ответил он с беспокойством в глазах. – Как тебе такая идея... Когда вернешься из Китая, мы сядем в лодку и поплывем вдоль побережья, всей семьей! Тогда-то я все тебе и расскажу.

Он врал – люди часто так делают, пытаясь скрыть беспокойство, – но мне хотелось ему верить. Рано или поздно он мне выложит всю правду.

– Договорились, папа.

Папа улыбнулся неестественно – так гримасничает Лили, когда притворяется, например играя в кукол.

– Джо, ты так быстро растешь. Всего через несколько дней получишь диплом доктора наук. Жаль, я не могу вечно держать тебя при себе. – На папиных глазах блеснули слезы.

У меня защемило сердце. Впервые за многие месяцы папа говорил со мной откровенно.

– Пап, не переживай, ладно? У меня все будет хорошо. Точно знаю.

Глава 2. Настоящее: Восемь-Восемь

ПРЭТТ, ШАНХАЙ, КИТАЙ

Через неделю похитят человека. Тебя.

Последние слова Реда не выходят у меня из головы. Прошел двадцать один день. А ведь когда Ред пообещал мне свободу, его голос звучал как никогда уверенно. Теперь Ред – лучик света в моем темном царстве – ушел. Умер. Вероятность⁹, что он вернется, – 0. При подстановке в уравнение любых переменных.

Капустный суп остыл, от резкого запаха уксуса к горлу подкатывает комок, но я проглатываю все без остатка. В Прэтте только идиоты отказываются от еды. Отодвигаю пустую миску и откладываю палочки – в этот момент строгий голос охранника Саня выкрикивает мое имя. С непривычной настойчивостью.

– Восьмерка! Пошевеливайся!

Интересно, что теперь хочет узнать охранник Сань? Махинации с грязными инвестициями Короля на сегодня закончены.

Меня подбрасывает к дверям камеры, где на стене выбиты цифры: 88 – посреди прочих математических символов.

Беру кусочек мела, провожу диагональную линию через четыре прямые и вздыхаю. Прошло 700 дней с тех пор, как я видела океан. Считала волны. Вычисляла прилив. Вдыхала соленый воздух.

700 дней предательства.

И это число ничто по сравнению с бездной, умножающейся в моем сердце. Ред заслуживал умереть мирно, в собственном доме, в окружении семьи, а не рядом со мной, на дурацкой металлической кровати в Прэтте.

Двигаюсь на автомате, пока мой ум тонет в мире, где имя Восьмерка больше не существует.

Перед смертью Ред дал мне новое имя. Снова хочу услышать его произнесенным вслух – хотя бы раз. Может быть, тогда поверю – как верил Ред, – что действительно смогу начать все сначала. И сумею использовать дар для чего-то важного, а не просто портить людям жизнь.

Но пока я заперта в древних, кишасших крысами подземельях, мечтать о невозможном не стоит.

В кармане нащупываю маленькую деревянную шахматную фигурку. Вытаскиваю и потираю большим пальцем. Резьба на пешке совершенно стерлась. Кладу ее обратно и застегиваю карман, пытаюсь понять, чем она так важна. Что-то (назовем это интуицией) подсказывает мне, что в моей судьбе эта непримечательная старая деревяшка еще сыграет роль.

– Восемь-Восемь!

Сань, один из главных охранников в Прэтте, приближается по темному коридору, когда я распахиваю металлические решетки. Здоровенный и грубый, лицо испещрено мелкими шрамами, он похож на питбуля, потрепанного в собачьей драке. Но на самом деле он вовсе не закоренелый преступник, как обычно думают. Мне удалось заслужить его доверие год назад. Тогда он забился в угол и бестолково хныкал про карточный долг. Мол, ему несдобровать, всю семью вырежут. Услышав заветное слово «семья», я помогла Саню найти выход из ситуации.

⁹ Вероятность события – это числовая мера. Число от 0 до 1 при расчетах вероятности показывает, насколько возможно наступление события. Если вероятность равна 0, событие невозможно. Если 1 – оно произойдет обязательно.

Он знал, меня схватили из-за какого-то особого умения жонглировать цифрами, но понятия не имел, как работает мой дар, – и до сих пор до него не дошло. Не то чтобы я очень старалась донести смысл – это все равно что объяснять закон Ньютона пятилетке, – в общем, без лишних подробностей продиктовала ему по пунктам, что делать, чтобы спасти семью. Похоже, мой план сработал, потому что с тех пор дверь моей камеры не запирали на замок, а на обед мне перепали кусочки мяса пожирнее, да и остальные заключенные перестали меня доставать.

Морщины на лице Саня стали глубже, словно он нервничал. Неужели Король, хозяин всей подпольной шарашки, вернулся в дурном настроении и теперь разносит всех подряд?

– Сюда! Быстро, пока они... – Сань резко оборачивается на звук шагов. Судя по тяжелому стуку подошв, по туннелю бегут двое крупных мужчин.

– Кто они? Что случилось? – шепчу я.

– Тихо!

Не надо быть гением, чтобы догадаться: ничего хорошего. Но я доверяю Саню. Он всегда выполнял обещание защищать меня: Король запретил вредить моему здоровью. Для Короля я представляю слишком большую ценность.

В ручище Саня моя рука, и он тянет меня в коридор, где зажженные благовония не могут замаскировать запах сортира.

У меня сжимается сердце, когда мы проходим мимо комнаты, где жил Ред. Спартанская кровать все еще покрыта тонким хлопчатобумажным одеялом поверх матраса из грубой шерсти. На бетонных стенах так и остались китайские иероглифы, написанные мелом. Первые слова Реда той ночью, когда он просил меня ему довериться, до сих пор отдаются эхом у меня в голове – как и мои последние слова, когда я умоляла его меня не покидать.

Прежде чем память примется пировать на пустом столе моего сердца, я отворачиваюсь и принимаюсь за вычисления на ходу: сигаретные окурки на полу – 19 штук. Количество секунд, потраченных на путь до дверей комнат боев без правил, – 37. Высота и ширина туннелей – 8 на 10 футов¹⁰. А также замечаю, что скорость движения Саня на 30 процентов быстрее обычной.

Наконец мы добираемся до коридора, где я бывала всего несколько раз. Впереди справа есть выход, которым никогда не пользуюсь.

Здесь кажется вполне безопасно, пока мы не оказываемся на перекрестке туннелей, где звук шагов материализуется в двух высоких мужчин, одетых в темные костюмы.

Охранник Сань резко останавливается. Выплевывает сквозь зубы проклятие и сильнее сжимает мою руку, когда эти двое ведут нас налево, а не направо. Смотрит на меня сверху вниз виноватыми глазами и рявкает: «В кабинет Короля!», будто командует, да еще так громко, что услышал весь Прэтт. И не своим голосом.

Ноги прирастают к полу, в голове у меня проносится: «В кабинет Короля?»

Перед глазами пульсируют отрицательные числа. Голова кружится от вероятностей. Кабинет Короля – это конечная остановка. Заключенных отводят туда, когда они становятся бесполезны.

Смотрю на Саня снизу вверх широко раскрытыми от изумления глазами: «Почему? Что я натворила?»

Грустным взглядом он словно отвечает: «Ничего нельзя поделать». Охранник должен подчиняться приказам.

Судя по изгибу сырых коридоров на перекрестке, до дверей остается 17 футов¹¹. Легко перевожу их в дюймы, потом в миллиметры, потом в количество длин моих тапочек и наконец вычисляю, сколько времени понадобится, если я буду не идти, а волочить ноги. Мне нужно побольше времени, чтобы пораскинуть мозгами.

¹⁰ Около 2,4 на 3 метра.

¹¹ Примерно 5,2 метра.

Допустим, Король обнаружил, что Ред собирался вытащить меня отсюда, и намеревается меня убить. Или кто-то узнал, что я на самом деле математический гений. Или третий вариант – возможно, худший из всех существующих: Мадам обнаружила, что я все еще жива...

А может быть, оказаться в кабинете Короля будет не так уж и плохо. Безоговорочная свобода – мой истинный путь домой. Смогу забыть последние два с половиной года. Забыть Мадам, укравшую мою настоящую жизнь и миссию и (когда наигралась) выбросившую их в мусорку, как обглоданную кость, и даже хуже – отдавшую на съедение Королю. Смогу закрыть глаза и обрести покой и тишину. Голоса моих близких больше не будут звучать в ушах, заливая их кровью.

Но где-то в глубине сердца слова Реда звучат громче моих собственных. От его песни об искуплении трепещет мое сердце, подталкивая к борьбе, заставляя поднять голову, взять судьбу в собственные руки – и пойти по предназначенному мне пути. По пути избранных, в поисках которого я сюда пришла.

Мы подходим к двери. Охранники – двое мужчин в деловых костюмах. Мне почти не доводилось видеть, чтобы охранник Сань проявлял какие-то эмоции, но сейчас могу поклясться: на его ресницах висят капли слез. Он мягко стискивает мою руку сильной ладонью – той самой, которой давал мне ключ от моей камеры, а также обеспечил влиятельное положение в Прэтте. Сейчас, сжимая мою руку, Сань прощается со мной.

Потому что знает – как и я, – что те, кто входит в кабинет Короля, редко возвращаются на своих двоих.

Один из охранников у двери вталкивает меня внутрь, где клубится сигаретный дым. В дыму сидят двое мужчин. Короля среди них нет.

В маленькой комнатке стоят только стол и три деревянных стула со старыми подушками. Бетон на полу более ровный, чем в коридорах, окон нет. Тусклая лампочка висит на тонком проводе и дает достаточно света, чтобы разглядеть два лица и собирающуюся в углах пыль.

Сидящий за столом толстяк потягивает прозрачную жидкость из стаканчика размером с мизинец. Вытирает с лысой головы пот салфеткой. Выпирающий над ремнем толстый, как у Будды, живот меня не обманывает. Я видела этого человека в действии. Он натренирован и легко может сбить с ног атакующего быка, если понадобится. Бо Гун.

Стоящая за его спиной бутылка украшена золотой эмблемой в виде дракона, пожирающего льва. Очень дорогой напиток, только для особых случаев, а не обычная в Прэтте сивуха, и, судя по выражению покрасневшего лица, довольно крепкий. Не уверена, что мне хочется знать повод для подобного торжества.

Бо Гун кивает мне. Я автоматически склоняю голову в ответ.

Последний раз я видела Бо Гуна в первый год своего пребывания здесь. Он вечно сует нос в чужие дела и наживается на бедолагах, когда превращает их жизнь в кошмар. У меня есть причины испытывать к нему и благодарность, и ненависть. Именно из-за него я «работаю» на Короля, а не валяюсь на дне Янцзы – хотя Мадам ему щедро заплатила за второе. Как только меня осенило, что Король пощадит меня, если я буду приносить ему много денег, я смирилась с жизнью в Прэтте.

Другой мужчина одет в дорогой костюм, сшитый точно по его долговязой, тощей фигуре. В петлицу вставлен цветок *мол*¹². Этого типа я встречаю впервые, он не курит и не пьет. Выражение его лица не похоже на суровые и безжалостные лица мужчин, которых я видела приходящими сюда и уходящими отсюда. Нет, этот человек нервничает. Он оказался не в своей тарелке, но он тоже внимательно меня разглядывает.

– Восемь-Восемь, девчонка, приносящая Прэтту удачу, – говорит Бо Гун. – Как жизнь? Хмыкаю настолько саркастически, что рискую подавиться:

¹² Жасмин (*кут.*).

– Не жизнь, а мечта, разумеется. Прэтт прелестен в это время года.

Прэттом Король (по-китайски «ван») называет свой дворец. Когда-то здесь были старые здания порта, которые сейчас почти не используются. А под Прэттом лежит ценный секрет – бесконечные древние туннели, катакомбы, протянувшиеся на пару миль. Удобный схрон для преступников – и для нескольких неудачников вроде Реда и меня, – которых Король шантажом заставляет на него работать. Жизнь в Прэтте очень простая: подчиняйся или умрешь – ты сам или твои близкие.

Бо Гун смеется, выпуская изо рта дым:

– А ты подросла. Заговорила наконец.

Шаркаю ногами по сырому серому цементному полу, источающему ледяной холод.

– А ты чего вернулся?

– Из-за побега, который ты планировала.

Моя улыбка блекнет, зато улыбка Бо Гуна растягивается до ушей.

– Пока ты занималась глупостями, мы планировали твою смерть, – продолжает он.

Слово «смерть» бьет меня точно обухом по голове.

Мой океан. Моя клятва. *Ред*.

*Цзичэ!*¹³ Король знает! Как я могла быть такой душой? Поверила, будто смогу начать новую жизнь после всего, что со мной произошло? Фыркаю и качаю головой. Реду почти удалось меня убедить.

Сколько бы я ни вычисляла время и дату собственной смерти, такого варианта предположить не могла. Неужели мне осталось только умереть с высоко поднятой головой? Смотрю на мужчин, но вместо страха испытываю все возрастающую растерянность. Калькулятор внутри меня выдает положительные числа, которые ураганом крутятся вокруг Бо Гуна.

Бо полностью расслаблен и слегка пьян, с ухмылкой наливает себе еще. Мужчина рядом с ним вцепился в край пиджака и выглядит испуганным до смерти. Людям, собирающимся привести в исполнение смертный приговор, следовало бы вести себя более собранно. С другой стороны, действия Короля всегда непредсказуемы.

Сердце бешено пульсирует, ушло в пятки. Мне случалось испытывать скачок адреналина, но на этот раз все по-другому. Все просчитано. У меня неплохие шансы. Если действовать сейчас, то я могу выжить. Должна выжить. Ради Реда.

Внутри раздается щелчок. Вера Реда, его любовь и безумие вспыхивают во мне, и я хватаюсь за его слова: начинается новая жизнь, я управляю своей судьбой.

Без дальнейших раздумий прыгаю вперед с диким криком, разрывающим горло. Словно кошка, запертая в комнате с двумя собаками, превращаюсь в чужака. Яростного. Бесстрашного.

Меня годами загоняли в угол – и я не уйду без сопротивления.

¹³ Вот дерьмо! (*кит.*)

Глава 3. Настоящее: Восемь-Восемь

ПРЭТТ, ШАНХАЙ, КИТАЙ

Стул врезается в пол. Мой кулак летит в тонкую переносицу незнакомца, брызгает кровь. Бо Гун успевает схватить меня за плечи, царапаюсь и вцепляюсь во все, до чего могу дотянуться. Он с легкостью, как младенца, оттаскивает меня. Зажимает мне руки и ноги и утыкает лицом в пол, удерживая, пока я не перестану сопротивляться. Смех Бо Гуна эхом отдается в ушах.

– Красивое представление, – сотрясается он от хохота. – В таком виде будет даже правдоподобнее. Но вообще-то, девочка-везунчик, нашего гостя тебе не стоит обижать ни в коем случае.

Задыхаясь, смотрю в упор на мужчину, которому только что расквасила нос.

– Что ты несешь? – огрызаюсь я.

Откинув голову назад, мужчина одной рукой зажал нос, а другой – вытирает кровь.

Бо Гун отпускает меня, встает и ставит передо мной стул:

– Садись. Давай обойдемся без выкрутасов.

Поначалу колеблюсь, уточняю:

– А что? Сначала собираетесь попытать?

Сплюываю кровь. Кажется, я прикусила язык, когда Бо Гун швырнул меня на пол. Да и под глазом явно наливаются фингал.

– Ха! – крикает он. – Да сядь ты уже!

– Пожалуйста, садитесь! – Незнакомец подскакивает. У него рассечена переносица, кровь капает на костюм и галстук. Похоже, их придется выбросить.

Мужчина косится на Бо Гуна, в глазах застыл вопрос, безопасно ли сидеть рядом со мной. Тот широко улыбается, будто наслаждаясь происходящим. Незнакомец опускается на стул.

Вот же черт! Секунду назад этот человек показался мне смертным приговором, а теперь, судя по выражению лица Бо Гуна, он скорее мой счастливый билет на выход. Похоже, в Прэтте я стала параноиком.

– Меня зовут Чань Хуанлун, – торопливо выговаривает мужчина, все еще зажимая нос, и слова выходят с причудливым акцентом, но это имя цепляет. Где-то я его уже слышала. Этого человека все знают.

– Интересно, а вы-то тут как очутились? – любопытствую я, прикидывая, какова вероятность, что самый богатый человек в Азии пришел ко мне. Неужели ему тоже требуются мои услуги?

– Понимаю, встреча в таких обстоятельствах необычна. – Он очень старается сохранить лицо. – Никто не любит говорить о смерти, особенно собственной...

– Мне уже довелось умереть дважды, – перебиваю я. – На этот раз особых сложностей быть не должно.

Мы молча мерим друг друга взглядами. Чаню явно не доводилось бывать в катакомбах под дворцом Короля. Одетый с иголки бизнесмен безуспешно пытается скрыть проступившее на лице отвращение от моего внешнего вида. От моей выцветшей и грязной одежды несет плесенью, дымом и потом. Подручные Короля такое даже не замечают. В Прэтте воняет все.

Чань к тому же потеет и нервничает гораздо сильнее, чем можно ожидать от столь влиятельного человека.

– Вы ведь не работаете на Короля? – без обиняков спрашиваю я.

Король отлично играет роль бизнесмена, занимающегося импортом и экспортом, но если хорошенько приглядеться, то можно в его действиях заметить кое-что странное. Половину встреч он проводит по ночам, в пустующих помещениях Прэтта. У него постоянный нервный тик: периодически он озирается через плечо сначала направо, потом налево. Свита выглядит как банда головорезов, словно телохранителей выбирали из списка самых разыскиваемых преступников мира. Он баснословно богат, хотя позволяет только нескольким частным клиентам приходить в порт для оформления сделок, а грузы его компаний невозможно увидеть. Мало кто в курсе, чем конкретно занимается Король, – ну или никто не осмеливается спросить.

А я вижу его насквозь. Гангстер, прихвостень Мадам, ее правая рука в самых узких, тайных кругах высшего общества. Среди крупных криминальных авторитетов мира она выбрала его, ведь он контролировал международный порт Шанхая. Король занимался контрабандой, азартными играми, присвоением чужих денег и борделями (для Мадам) – в Шанхае, в Китае и во всей остальной Азии.

– Нет. Я пришел сюда за тобой. – Чань берет предложенный Бо Гуном платок и вытирает кровь с лица. – Чтобы выторговать тебе свободу.

Чань Хуанлун произнес слово «свобода» – или мне померещилось? Знает ли он, кто я на самом деле?

Ред! Так это от него? Чань Хуанлун, дедушка? У Реда имелись секреты, но как он умудрялся скрывать знакомство с самым богатым человеком в Азии? Что-то тут не клеится. Чань наверняка преследует свои цели. Все они получают от сделок со мной какие-то выгоды. Но на этот раз я постараюсь не упустить своей.

– Похищение не прокатит, – вмешивается Бо Гун. – Смерть привела тебя сюда, смерть тебя отсюда и выведет.

Миллиардер поднимает властный взгляд на Бо Гуна:

– Оставьте нас одних.

Бо Гун спокойно кивает:

– Мне нужно кое-что приготовить к отъезду.

И выходит из комнаты.

Затаив дыхание, жду продолжения. Чань явно не скупой. Встреча со мной наверняка обошлась ему в кругленькую сумму, а подкупить Бо Гуна, вообще-то, непросто. Но раз мы остались вдвоем, значит он хочет договориться не только с Бо Гуном, но и со мной. У богатых всегда есть в запасе многоходовочка.

Чань пододвигается к столу, складывает руки на деревянной столешнице и останавливает на мне долгий взгляд. От выражения его глаз мне становится грустно, словно я разглядываю картину, написанную исключительно в синих и серых тонах. А еще замечаю в глубине его глаз притаившийся страх – видимо, от пребывания в Прэтте. Порок здесь висит в воздухе тяжелой дымкой. Даже у меня, после двух лет заточения, от унылой атмосферы грязных душных камер мурашки бегут по коже.

– Как давно ты живешь в Китае? – начинает он допрос.

– Вы называете это жизнью? Ха!

– Американка? – бурчит он.

Держу рот на замке, углубившись в расчеты. Обитатели Прэтта давно забыли, что я чужестранка. Да у меня это тоже вылетело из головы. Кроме того, не уверена, стоит ли распускать язык. Понятно, даже моим беглым китайским не замаскировать внешность *лаовая*¹⁴. Ред явно выложил ему все обо мне, но лучше не стану ничего подтверждать.

– Сколько тебе лет? – Чань задает новый вопрос. – Охранник говорит, ты здесь больше года, значит какое бы образование ты ни получила, оно уже устарело.

¹⁴ *Лаовай* – иностранец (кит.).

– Прекрасно подмечено, – соглашаюсь, сохраняя невозмутимый вид. – А кого вы ожидали найти в Прэте?

– Уж точно кого-то постарше. Ты же совсем девчонка!

Смеюсь.

– Чего вы хотите?

– Ред поведал мне о твоих особых талантах, – прямо выкладывает он.

Качаю головой, но лицо вспыхивает ярким румянцем.

– В жизни бы он такого никому не рассказал.

– Если бы держал рот на замке, меня бы тут не было.

Ред сумел понять меня лучше всех. Знал мои мечты и желания. Изображать джинна из лампы для еще одного тирана уж точно не входило в мои планы.

– Новая работа мне не нужна, – отрезаю я.

– А домой вернуться ты разве не хочешь?

Слово «домой» колет, словно подарок, опутанный шипами, или красивый бокал, полный яда. Чань произнес его отчетливо, словно наживку. Но я не настолько глупая и не потеряю головы. Придется ему предложить мне что-нибудь получше.

– Не стану горбатиться на вас, как на Короля, – даже если отпустите меня на свободу.

– Конечно. Но я предлагаю настоящую работу. И заплачу за нее. Отблагодарю щедро.

Хм... Если бы Чань был хоть немного похож на Короля, то разговор был бы уже закончен. Но он торгуется, то есть заставить его раскрыть карты будет проще, чем я думала. Мне нужно хорошенько продумывать свои ходы, если я хочу обвести его вокруг пальца.

– Не интересуется. – Вытираю нос рукавом, тяну время. – Свою долю грязных денег я уже получила.

– Не все, у кого есть деньги, добыли их незаконными способами. – Он прищуривается.

– А как насчет вас, мистер Чань?

– Так нечестно. Мой единственный свидетель – это я сам. Если не считать Реда, который и устроил нашу встречу. – Он продолжает прямо смотреть мне в глаза. – Однако бизнес есть бизнес. Клянусь, заплачу двадцать миллионов, чтобы вытащить тебя отсюда, плюс еще пять, чтобы привести в порядок мой бизнес.

– Да это только на мороженое! – презрительно фыркаю я. – Столько я могу за час заработать.

– Как? Ред мне ничего не объяснил.

– Ну еще бы, вы, конечно же, хотите знать мои секретные методы. Большинство жуликов планеты за них продали бы душу. Правда, у них все равно мозгов не хватило бы понять, даже если попытаюсь объяснить на пальцах.

После этих слов он должен был встать и хлопнуть дверью, забирая с собой мой счастливый билетик. Я уже собиралась взять свои слова обратно, но он не сдвинулся с места, хотя мой ответ его наверняка задел.

Чань наблюдает за мной. Не могу удержаться от внутреннего стога: ну что я творю? Испытываю на незнакомце приемчики Короля, это он так ведет переговоры. Где та открытая добрая девчонка, которой я была когда-то? Куда исчезло мое стремление помогать людям?! Никогда я не была такой жесткой.

Чань вытаскивает портмоне. На секунду мне показалось, он собирается предложить мне деньги, но он достает фотографию женщины:

– Пусть она будет моим свидетелем защиты: я не обманываю женщин и деловых партнеров.

– Кто это?

– Моя жена. – Он косится на цветок жасмина в петлице.

– Предпочитаю услышать свидетельство из ее собственных уст, – чеканю я каждое слово.

После зла и коварства, увиденного в Прэтте, я никому не доверяю.

– Она умерла... – Его голос становится тише, а морщины на лице – глубже. – Но моя любовь к ней жива. Я построил свою бизнес-империю с нуля. Упорным трудом. В жестокой конкурентной борьбе.

– Тогда как вы сюда-то попали? – недоумеваю я.

– Не веду никаких дел с преступниками, если тебя это интересует. Ред обо всем договорился, зная, что Бо Гун поможет – за определенную сумму. В данном случае закон не нарушен, ведь официально это место вообще не существует.

Ага, он догадывается, что Прэтт – штаб Короля.

– А что общего у вас с Редом?

Он опускает взгляд:

– Когда он умирал, взял с меня обещание, что я...

Врет. Недоговаривает.

Чань напрягается, – думаю, на деловых встречах он также предельно сосредоточен.

– Послушай, я пришел сюда, потому что меня заверили: ты честная девчонка, попавшая в беду. Тебе явно требуется помощь, и, как оказалось, мне нужна твоя.

С моего языка уже готовы были слететь очередные резкости, я собиралась ляпнуть про его бизнес что-нибудь язвительное, и вдруг до меня дошло: Чань Хуанлун в отчаянии. У него и впрямь проблемы с деньгами. Независимо от того, что он от меня скрывает, для нас обоих это не мелочь какая-то. Ставки высоки. На кону его миллиарды и моя свобода.

– Так что у вас случилось? – Я уже теряю терпение.

– Обещаю рассказать все в мельчайших подробностях, когда ты выйдешь отсюда. – Чань ерзает на стуле. Смотрит на часы. Ему не хочется оставаться здесь дольше, чем необходимо. – С охраной мы уже обо всем договорились. Завтра ты получишь свободу. Десять процентов прибыли моей компании от заключенных тобой сделок будут твоими. Конечно, обеспечим тебя жильем.

С первого дня знакомства Ред взял меня под свое крылышко, ни разу не предал, не выдал никому мои секреты. И ничего не делал просто так, без какой-то цели. Если Ред отправил Чаня, это самый безопасный вариант выбраться для меня. Прямо сейчас нужно всего лишь удрать отсюда и сколотить состояние побольше. И Чань принес мне все необходимое на голубой тарелочке. Возможно, мама мечтала для своей девочки о чем-то более великом, но надо же с чего-то начинать.

Просто мне нужно еще чуть-чуть.

– Сорок процентов, – уточняю я. – А когда решим глобальную проблему, угрожающую компании, я уйду.

– Ни за что! – мгновенно откликается он. – Никто в моей компании не получает почти половину прибыли. Двадцать. Кроме того, мне о твоих подвигах неизвестно. Всего лишь верю выжившему из ума старику на слово. Не видел тебя в деле. Не забывай, оплата расходов на твое освобождение тоже на мне.

– Спросите Короля, почему он держит меня в заточении. Или Бо Гуна. Они подтвердят, что мои способности феноменальны! А вы ищите аналитика, – нет, уверена, без такого аналитика, как я, ваша компания долго не продержится. Сорок процентов, или до свидания.

Складываю руки на груди. У Чаня нет моей железобетонной мотивации, ведь для меня это буквально вопрос жизни и смерти.

Его руки дрожат, указательный палец нервно потирает ноготь большого. Очевидно, мои аргументы берут верх, хотя до сих пор не понимаю причину.

– Послушай... – он теребит цветок в петлице, – случится нечто ужасное, если...

Обрываю его тираду.

– При всем уважении, мистер Чань, оглянитесь вокруг! – Наклоняюсь поближе, перегибаясь через стол. – Неужели вы думаете, меня еще можно напугать чем-то «ужасным»?

Миллиардер лихорадочно обдумывает свое решение. Воображение рисует, какой ужас пережили заключенные в катакомбах Прэтта, – и это я Чаню еще самое худшее не сказала.

– Сорок, – смотрю на него в упор. Возможно, бизнесмен отчасти говорит правду, но мои инстинкты велют мне не уступать.

Чань поворачивает голову и разминает шею. Он потеет сильнее, чем раньше, но его решимость ослабевает – и, сдается мне, такое бывает не часто.

– Ладно, – соглашается он, промокая нос платком. – Только до момента, когда проблема разрешится, – и на этом все.

Мы пожимаем друг другу руки.

Чань выпускает мою ладонь и трет пальцем распухшую и уже багровую переносицу. Наступает недолгое молчание, пока сделанное укладывается в голове. Он только что отписал мне немалую долю прибыли, а я пытаюсь осмыслить, какими будут свобода и жизнь за мрачными стенами Прэтта.

«Все, что Мадам начала 700 дней назад, закончится». Эта мысль жужжит в голове, словно оса, готовая ужалить.

Наконец-то у меня получится остановить Мадам, выполнить обещание, данное Реду. Исправить ошибки и возместить ущерб. Начать сначала.

Через 33 секунды я прерываю молчание:

– Ну и как вы собираетесь меня отсюда вытащить?

Глава 4. Прошлое: Джозефина

ВАШИНГТОНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Когда мне было пять лет, мама придумала занятную игру. Если в моей голове одновременно роилось слишком много чисел, я так пыталась отвлечься. Игру мы назвали «Чайки», и она родилась в тот день, когда я наблюдала за птицами на пляже. Мне очень хотелось летать. Почему с точки зрения математики птицы могут летать, а я нет, мне было ясно. Но для ребенка знание вероятностей исхода, результата собственных действий, сильно мешает нормальной игре. Шансы были очевидны. Не важно, насколько быстро или с какой силой я буду махать руками, или как мало я вешу, или как велика сила ветра, или как долго я буду тренироваться, — шансы полететь у меня такие же, как и у скамейки, на которой я сидела, болтая ножками.

Я уткнулась лицом в мамину грудь и заплакала:

— Мама, это невозможно!

Она подняла мой подбородок и посмотрела мне прямо в глаза:

— Джо, забудь про вероятности. Числа никогда не будут определять твоей сути и способностей. Закрой глаза. Просто представь: ты можешь летать. Видишь? Теперь мы чайки!

Крепко зажмурившись, я изо всех сил старалась не обращать внимания на числа. Позволила соленому ветру обдывать лицо, руки и ноги. Совсем скоро остались только облака под мной, а еще волны и песок. И никаких ограничивающих мои желания и способности чисел. Парю в воздухе! Лечу свободно!

Как же хочется сказать маме, что до сих пор я иногда играю в эту игру. Играла на стадионе, где тысячи глаз устремились на сцену по одной-единственной причине — ради меня. Пятнадцатилетняя девочка-вундеркинд, получающая диплом доктора наук, — это ли не чудо?!

Отсидев 28 минут и 5 секунд, я дождалась своей очереди выступать. Смахнула длинные каштановые волосы за плечи и встала. Приподняла край мантии и прошла через сцену как раз тогда, когда декан Сторр объявил:

— Джозефина Риверс!

Фиолетовая с золотом академическая шапочка сидела на голове несколько неуклюже. Стоящие рядом со мной однокурсники подходили на роль выпускников, а я нет. Они заработали свой диплом многими годами упорного труда. А я? Получила его меньше чем за год. Впрочем, они ведь не писали алгоритмы в семь лет.

Гарвард первым объяснил мою обостренную склонность оценивать сотни переменных и вероятностей во всем, что меня окружало. Другие математические гении, которых изучали в Гарварде, по большей части решали уравнения для того, чтобы сделать свой мир более забавным. В отличие от них математическая линза, сквозь которую смотрела я, скорее выявляла суть вещей и процессов моего внутреннего мира. Судя по всему, умение анализировать скрытую от других информацию превращало меня в весьма востребованного специалиста, и именно поэтому так важен был мой выбор украдкой поработать на «Гениальные тайные решения».

Старалась я не только ради компании. Ради себя самой и чтобы оправдать мамин надежды.

Вспомнив слова папы про уверенность в себе, я выпрямилась, подняла подбородок и пропустила мимо ушей выкрики зрителей. По спине потекла струйка пота. Я достала из кармана исписанный от руки листок и заговорила в микрофон.

После речи и последовавших за ней аплодисментов сосредоточилась на декане Сторре, который рассказывал, чем я выделяюсь на фоне своих однокурсников.

– Самая юная наша выпускница за сто с лишним лет... благодаря ее вкладу наше понимание в таких областях, как решение дифференциальных уравнений, математические модели в экономике и машинное моделирование, значительно улучшилось...

Пока декан распинался, мое внимание привлекла женщина, стоявшая сбоку от сцены. Однажды я ее уже видела. Сногсшибательная внешность. Одета безупречно. Волосы выкрашены в эффектный темно-красный цвет, и губная помада ему идеально соответствует.

Эта женщина присутствовала на моем собеседовании на факультете в Стэнфордском университете. Ей не следовало там быть, ведь она не профессор и не эксперт. Она проскользнула туда по ошибке – а теперь и сюда пришла.

На мгновение наши взгляды встретились. Пространство между нами наполнилось отрицательными числами.

Если бы люди видели мир моими глазами, то заметили бы: вероятность событий можно вычислить, как комбинации выигрышных цифр в лотерее. Ведь числа сцепляют наши дни, словно кусочки головоломки, а значит, если мы с кем-то встречались дважды, то, скорее всего, увидимся снова. Судя по тому, как у меня дрожат от предчувствия руки, не факт, что встреча мне понравится.

* * *

После церемонии меня пригласили в обставленную со вкусом комнату. Перевожу взгляд с недавно отполированного деревянного пола на 6 книжных полок вдоль стен, любуюсь сиянием хрустальной люстры, зафиксированной на высоте 22 футов¹⁵ над головой, и наконец замечаю парня, которого все девчонки в нашей группе по экономике называли Серфером Сэмом – из-за идеального загара, выющихся светлых волос и глаз, сбивавших с ног, словно волны в океане.

Сэмуэль Дэвис стоял среди более старших выпускников, собравшихся вокруг покрытых белыми скатертями столов с расставленными тарелками фруктов, сыра и вином (кстати, с точки зрения закона я еще слишком маленькая, чтобы пить алкоголь).

Знакомый голос зашипел мне в ухо:

– Праздновать надо. А не сохнуть по Серферу Сэму! – Бритта, тоже вундеркинд из компании «Гениальные тайные решения», обняла меня. – И ты ведь вроде встречаешься с тем парнем-математиком из твоего блога?

– Бритта! – обрадовалась я. – Спасибо, что пришла. К твоему сведению, я давно забросила тот блог. Кроме того, понятия не имею, как на самом деле звали того парня и как он выглядит. А умница и красавчик Сэм стоит прямо передо мной.

– У тебя могут быть взрослые мозги, но Сэм-то видит только то, что мы с тобой до сих пор даже до получения водительского удостоверения не доросли. Пойдем! – Бритта потянула меня за руку.

К сожалению, она была права. Я вычислила движения и особенности поведения Сэма. Можно с уверенностью предположить, что ночами он не вздыхает по мне, как я сохну по нему, – и лучше бы я этого наверняка не просчитывала. Хотелось бы хоть раз в жизни сидеть рядом с парнем и гадать, возьмет ли он меня за руку, без чисел, предсказывающих вероятности. Хотелось бы жить в моменте и верить, будто я в самом деле могу изменить исход и мир вокруг меня – сплошной эксперимент.

Мы подошли к столику с газировкой и налили себе розового пунша. Он оказался сладким, как минералка с клубничным сиропом. Вскоре вокруг меня собралась группа выпускников.

¹⁵ Около 6,7 метра.

– А расскажи-ка нам, чем Джо Риверс собирается заниматься по жизни? – потребовали они.

Фу! Терпеть не могу подобные вопросы. Неужели так трудно поверить, что гений не знает, чего на самом деле хочет? Я уставилась на Бритту, взглядом умоляя о помощи, но та пожала плечами, беззвучно произнесла «извини» и бросилась приветствовать друга с нашего факультета.

Я улыбнулась, глядя на толпу.

– Да так... Пока рассматриваю разные варианты. – О решении поехать в Китай – молчок. Про это позволено знать только самым близким. – Папа говорит, мне нужно немного отдохнуть. Может быть, попутешествовать. – Практически не соврала.

Ко мне подошел парень из университетской газеты:

– И каково же быть вундеркиндом? Математическим гением?

Этот оригинальный вопрос мне задают в среднем 20 раз в квартал, а я до сих пор не знаю, что на него отвечать. Как объяснить, что числа высечены в моем мозгу и, как книги на полках, всегда в моем распоряжении?

– Ну, мне не с чем сравнивать. Не знаю, каково *не* быть им.

Мы перешли к светской беседе. На протяжении 3 минут этот парень произнес «типа» 26 раз, сделал 4 грамматические ошибки и дважды ругнулся. Но кто считает, правда?

– А правда, что ты запоминаешь числа с первого раза? – вклинилась в разговор девушка с факультета физики.

«Да, и не только», – подумала я. Трудно описать, как с каждой новой теорией, измерением или номером телефона увеличивается моя библиотека. Я могу показаться зазнайкой, чудиком или, хуже того, занудой. Так что даже и не пытаюсь объяснять и просто отмахиваюсь от вопроса.

– У каждого есть какой-нибудь талант, – великодушно заметила я. И вспомнила про способность папы находить удачные идеи, про блестящую игру Лили на пианино, про сноровку Мары в обращении с яхтенными снастями. Мама твердила, что не важно, какой талант тебе достался, важно, как ты его используешь.

Сквозь шум разговоров донесся знакомый голос:

– А вот и она! Джо!

– Извините, – сказала я, выбираясь из толпы, собравшейся вокруг меня. – Моя семья пришла.

Копна рыжевато-каштановых локонов прыгнула ко мне. На Лили было синее атласное платье и мамино жемчужное ожерелье. Рядом с ней стоял отец, с усталым видом, но гордо улыбаясь и показывая оба больших пальца вверх.

К моему удивлению, Мара тоже пришла. И сегодня на ее лице не было обычного самодовольства. Она выглядела бледной как привидение.

– Поздравляю, Джо! – Лили взяла меня под руку. – Было очень здорово увидеть тебя на сцене. Отличная речь! Хочу запомнить ее навсегда.

– Спасибо, Лили! – Я чмокнула ее в лоб. – Однажды и я увижу тебя на сцене. Просто продолжай играть на пианино, ладно? – Я достала сложенный листочек, исписанный моими неразборчивыми каракулями, и отдала его Лили. – Вот моя речь, – подмигнула я. – Сохрани ее навеки.

Лили прижала листок к груди и засияла.

– Обязательно! – заверила она.

Если кто-то и мог бы принять написанное близко к сердцу, так это она.

Папа обнял меня:

– Джо, отец может тобой гордиться. Хотел бы я, чтобы и мама увидела тебя здесь.

Острая боль пронзила мне сердце – раз, два, три. Мама непременно должна была бы быть здесь. Она верила в меня больше, чем кто бы то ни было. Отец буркнул, мол, ему не следовало упоминать маму.

– Спасибо, папа. – Я положила голову ему на грудь и вдохнула древесный аромат одеколona. Шелковый галстук мягко касался моей щеки.

Голос, сочащийся искусственными подсластителями, вернул меня к реальности:

– Поздравляю, Джозефина. Чудесная церемония. Хотя нам и пришлось просидеть очень долго.

Мара злобно глянула на меня, словно говоря: «Если ты это произнесешь, я тебя прибую».

Она подразумевала, если я переведу ее «очень долго» в точное значение в 43 минуты и 11 секунд. Между мной и нормальными людьми есть раздражающее различие. В моем мире не существует понятия «очень долго». Я точно знаю, сколько времени все длится. Мара терпеть не могла, когда я поправляла ее высказывания о времени, ну а как удержаться, если она (и все остальные) обещали вернуться «через 5 минут» и пропадали на все 20?

Папа решил сходить за закусками. Лили увязалась за ним. Мара, поджав губы и скрестив руки на груди, осталась со мной.

– Рада, что ты пришла, Мара! – воскликнула я в надежде, что проявление доброжелательности успокоит ее на часик.

– Ну еще бы! – фыркнула она. – Я слышала о твоей поездке. Повезло тебе. Ты первая – как всегда! – получаешь то, о чем мечтала.

Даже на моем выпускном Мара не могла умерить свою зависть. Ничего удивительного, но я не позволю ей испортить этот вечер, как прошлый год моей жизни. Кажется, все-таки ее слова ударили больнее, чем Мара хотела.

Когда-то мы были очень близки. В детстве для нее не имело значения, что я умнее, она была счастлива от одной мысли, что у нее есть сестра. Да и я обожала Мару – теперь в таком же восторге от меня Лили. Я бы сделала что угодно, лишь бы снова наладить наши отношения.

Отвернувшись, сдерживая слезы, и наткнулась на папу.

– Джо, ты чего это расклеилась? – посочувствовал он, увидев выражение моего лица.

– Ничего, – ответила за меня Мара с притворным всхлипом. – Мы просто немного расстроены, ведь Джозефина завтра уезжает.

– Именно, – подтвердила я, не поднимая глаз. Зачем я веду? На самом деле Мару следовало бы поправить. Но я не могла, потому что читала в глазах отца надежду, что мы опять будем вести себя как сестры. А еще я дала папе слово. Кроме того, Мара все-таки моя сестра. Я люблю ее. – Пока меня нет, все мое – твое, Мара.

– О, неужели ты способна на такое великодушие ради меня? – В ее голосе звучал сарказм.

Я посмотрела ей прямо в глаза, отчаянно желая, чтобы на расстоянии наши отношения наладились.

– Для тебя, Мара, я сделаю что угодно.

Ее глаза блеснули, она хмыкнула, и тут папа обнял нас обеих.

– Пора бы вам снова по-сестрински поддерживать друг друга, – пожелал он и поднял бокал игристого вина. – А теперь моя очередь говорить тост. Поднимаю бокал за любимую дочь и ее блестящее будущее.

Число звенящих бокалов произвольно записывалось в моей голове, когда мы произносили тосты друг за друга. Студенты, профессора и прочие видные сотрудники университета один за другим подходили поздравить меня. Моя семья оказалась оттесненной на задний план.

Позади всех с потерянным видом застыла Мара. Надеюсь, она почувствовала, что я говорила от души. Пойду для нее на любое геройство – ради всех родных. Теперь, когда мамы не стало, именно я должна позаботиться о сохранении нашей семьи.

Жаль, что числа никак не могут мне в этом помочь.

Глава 5. Настоящее: Восемь-Восемь

ПРЭТТ, ШАНХАЙ, КИТАЙ

Бо Гун входит в комнату как раз в ту секунду, когда я спрашиваю Чаня о том, как они собираются вытащить меня отсюда.

– Завтра рано утром мой личный охранник обнаружит твой труп в твоей камере, – отвечает Бо Гун.

– Почему завтра? – интересуюсь я.

– Перед рассветом будет меньше свидетелей. Король никогда не приходит по утрам.

– И как я умру?

– Самоубийство через отравление. Король поставил тебе ультиматум. Ты предпочла умереть. Мы скажем, что Ред тайком передал тебе яд перед своей смертью – из жалости. После того как мы притащили тебя в кабинет Короля сегодня, никто не усомнится в этой истории. Особенно после твоей миленькой потасовочки.

Мне не нравится, что единственный способ сбежать из Прэтта – умереть. Не хочу, чтобы местные считали меня трусихой. Только не после всех моих усилий проявить себя и завоевать их уважение. Некоторые теперь даже видят во мне союзника. Нужно найти другой способ.

– Нет. Сегодня. Прямо сейчас, – заявляю я. – Скажешь им, я отбивалась до последнего.

– Что?

– Сейчас или никогда, – настаиваю я. – Можешь плести Королю небылицы, но оставь мне мою честь.

Бо Гун задумывается. Честь – это то, что все мужчины стараются сохранить, включая преступников.

– Ну, на полу и в самом деле кровь благодаря твоему дружескому привету, прилетевшему Чаню. Может сработать. Но тебе придется уйти со мной. А не с Чанем.

Бо Гун достает пистолет и вынимает из магазина патроны. Потом копается в ящиках стола, находит такие же, на мой взгляд, патроны и перезаряжает пистолет. Я не разбираюсь в огнестрельном оружии и терпеть его не могу. Понятия не имею, чем занимается Бо Гун, но мои глаза лезут на лоб: какое отношение имеет пистолет к моей идее отбиваться до последнего? Неужели требуется предъявить труп?

– Холостые, – поясняет Бо Гун, заметив выражение моего лица. – Не могу же я стрелять здесь боевыми. Нужен достаточно громкий звук, чтобы несколько заключенных его услышали. Охранник Сань стоит у дверей. Он первый всем расскажет. Про наш план он не в курсе. Ты его, бедолагу, очаровала, он тебя святой считает.

– А ты что про меня думаешь? – интересуюсь я.

– Ты не такая, какой описывала тебя Мадам. Старина Ред тебе доверял. Это дорогого стоит. – Он задерживает на мне взгляд. – Кем бы ты ни была, ты заслужила еще одну смерть и воскрешение. Везунчик.

– Зачем ты вообще в это дело влез? – спрашиваю я, хоть и не рассчитываю на искренний ответ. В воровском мире принято играть на руку и нашим и вашим. Никто никому не верит.

– Потому что сегодня вечером я тоже умру, – улыбается он. – По крайней мере, так будет написано в полицейском отчете.

Бо Гун наклоняется поближе, словно собираясь поделиться секретом. Я тоже склоняюсь к нему, замирая от любопытства.

– Выхожу из бизнеса, – признается он. Тусклый свет подчеркивает морщинки вокруг усталых и напряженных глаз. – Насовсем. К завтрашнему утру я стану жителем Брисбена в Австралии. Мы с семьей будем очень далеко отсюда – с последней пачкой наличных, которой мне не хватало, чтобы завершить сделку. Благодаря ему. – Бо Гун кивает на Чаня. – Сегодня кинут только Короля!

Меня распирает от радости. А план-то даже лучше, чем я думала! Монетка выпала другой стороной. Бо Гун завязывает с криминалом. Как говорил Ред, лучше человеку самому измениться, прежде чем закон вынудит его исправиться. Теперь понятно, по какому поводу бутылка дорогого алкоголя. Бо Гун перехватывает мой взгляд и наливает нам обоим.

– За свободу! Если когда-нибудь будешь в Австралии, заезжай – если сможешь меня найти. *Ганьбэй!*¹⁶ – Он поднимает стаканчик, запрокидывает голову и выпивает одним глотком.

Беру свой стаканчик. Почему бы и нет? Раньше мне никто никогда не наливал. Подражая Бо Гуну, выпиваю одним глотком. Прозрачная жидкость обжигает горло огнем и бомбой взрывается в желудке. Я кашляю и давлюсь. Фу! И что в этом хорошего?

Чань встает со стула:

– Значит, сегодня вечером. – Он снова трет ноготь большого пальца указательным. – Нужно ли мне оставаться здесь, когда... гм... ну это... вы поняли?

– Нет. Уходите сейчас. – Бо Гун корявым почерком пишет адрес и отдает бумажку Чаню. – Встретимся там. Через час.

Чань послушно кивает, готовый покончить со всем этим.

Прежде чем он уходит, я хватаю его за рукав:

– Простите за разбитый нос.

Он машет рукой, словно отмахиваясь от извинений.

– Да ерунда, – отвечает он и смотрит на меня. – Ред так и не сказал мне, как тебя зовут.

Перед тем как открыть рот, я внимательно вглядываюсь в Чаня. Без сомнений, все, о чем говорил Ред, вот-вот сбудется. *Чистое золото огня не боится.*

– Меня зовут Феникс.

Чань выходит из кабинета Короля, закрывает за собой дверь – и тут звучит выстрел. Восемь-Восемь умерла. Моя новая жизнь начинается.

¹⁶ До дна! (*кит.*)

Глава 6. Настоящее: Феникс

ФРАНЦУЗСКИЙ КВАРТАЛ, ШАНХАЙ, КИТАЙ

Даже после душа в маленьком спа-салоне, где мы встретились с Чанем, я все еще чувствую себя грязной. Но вот наконец передо мной распахивается дверь моего нового дома. Синяк под моим глазом тоже не соответствует дизайнерскому интерьеру виллы: сверкающие мраморные полы, безупречно-белые кожаные диваны и зеркала в позолоченных рамах, отражающие свет люстр. Я сжимаюсь и не решаюсь переступить порог.

– Прошу, прошу! – Мистер Чань машет рукой, пропуская меня вперед с привычной вежливостью. – Входи!

Как требует обычай, я снимаю обувь у входа. Гладкий мрамор холодит босые ноги, отчего дом кажется холоднее, чем на самом деле. Я плотнее запахиваю свою тонкую черную куртку.

Мистер Чань открывает шкафчик, в котором стоят белые тапочки – как в дорогих гостиницах, где мне доводилось бывать, – и ставит одну пару передо мной. Я надеваю их и сравниваю гостиницу Мадам, где тоже было принято разуваться, с Прэттом, где если ты снял обувь, то не факт, что получишь ее обратно.

– Мы используем эту виллу для важных гостей, – говорит мистер Чань, показывая дорогу. – Как я и обещал, пока ты работаешь на меня, она твоя. Бесплатно.

Он проходит по комнате, показывая антиквариат и картины и, разумеется, упоминая их цену.

Ну обалдеть. Почувствовать себя как дома здесь так же легко, как расслабиться в кресле зубного врача. Ты словно идешь сквозь фотографию в китайском издании журнала «Вог». Гостиную украшают высокие расписные вазы и свитки ручной работы. Шелковые ковры устилают пол, резная деревянная мебель выглядит как новенькая, хотя ее наверняка сделали лет за сто до того, как в Китае к власти пришли коммунисты.

– Все здания принадлежат мне, – говорит Чань, имея в виду целый городской квартал (бывшее консульство Швейцарии), расположенный в одном из самых богатых районов Шанхая – во Французском квартале.

Когда мы подъехали к воротам, мне показалось, мы покинули Китай и въезжаем в Букингемский дворец. Одни только ворота наверняка стоят не меньше, чем весь комплекс построек. На территории расположены две виллы в деревенском стиле: одна большая, приглушенно-розового цвета с белыми ставнями и большим крыльцом, а вторая, где мы и находимся, просто близнец первой, только гораздо меньше. Виллы соединяет дорожка, проложенная через огромную подстриженную лужайку.

В изумлении таращусь из окна на цветущий жасмин и ростки бамбука. Неужели мне и правда удалось вырваться из Прэтта? Ощущение полной нереальности происходящего. Особенно такой красоты вокруг.

На заднем дворе виднеется какой-то деревянный купол. Чань замечает, как я разглядываю эту штуку.

– Это еще что?

– Крытый бассейн. Маленький, но чистый. Пользуйся когда угодно. У нас двадцать четыре камеры видеонаблюдения вокруг ворот. В эту часть двора никто не зайдет без приглашения. Только собака забегает иногда.

Чань продолжает рассказывать про дом: недавно отремонтировали и даже имеется подвальчик, где хранится чай, который выдерживается там уже больше двадцати лет, – и так далее.

Теряю нить разговора – бассейн напомнил мне про опасность. Меня передергивает от одной мысли о воде. Не скоро я снова начну плавать – если вообще когда-нибудь начну.

– Мы будем в другом доме, если тебе что-то понадобится.

– Мы? – Я напрягаюсь всем телом. – Вы сказали, что ваша жена умерла.

– Мы с сыном, – отвечает мистер Чань таким тоном, словно весь Шанхай это знает и только я не в курсе.

Я расслабляюсь.

– Ты с ним завтра познакомишься. Он проходит у меня стажировку – когда вообще появляется. – Последняя фраза прозвучала как ворчанье. – Стажировка – это часть программы обучения в его колледже. Мой сын, как и ты, хорош в математике. А теперь прошу прощения, мне нужно идти. Только заберу кое-что из кабинета, а затем ты сможешь отдохнуть.

Он уходит, оставляя меня в одиночестве в маленькой крепости. Я немножко растеряна и в то же время полна любопытства.

Чань говорил, спальни находятся дальше по коридору. Останавливаюсь, оцениваю размеры комнат и прислушиваюсь. Из коридора не доносится ни звука, и тогда я направляюсь туда, чтобы осмотреться.

И, уловив запах, внезапно застываю на месте. Едва заметный, но приятный и свежий аромат, хорошо мне знакомый, наполняет мое сердце тоской.

За углом, возле главной спальни, запах усиливается. Я останавливаюсь перед дверью. На ночном столике горит лампа, а рядом с ней стоит ваза с цветами. *Белые лилии*. Любимые цветы мамы. Последний подарок, который я отправила для мамы по воде, перед тем как меня вырвали из моей прежней жизни.

Ставлю сумку на пол и склоняюсь над лепестками. Это моя комната. Аромат одурманивает меня, как будто мама тоже здесь, как будто это знак, что все будет хорошо. Легкая улыбка раздвигает уголки моих губ.

Только я не могу понять, как сюда попали лилии. Вряд ли это мистер Чань додумался поставить вазу с цветами в моей комнате. Вот голову даю на отсечение. Мистер Чань ни о чем, кроме бизнеса, не думает. Но может быть, у него есть домработница или секретарь, которые занимаются подобными вещами.

Не успеваю я сесть на кровать, как из гостиной меня зовет мистер Чань. Я застаю его стоящим в дверях, с портфелем в руке, которого не было, когда мы сюда пришли.

– Извини, сегодня мы не можем выдать тебе новую одежду, – торопливо произносит он. – Завтра утром мой секретарь пришлет тебе пару костюмов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.